

Твен и Данн сидели в кабинете Гринвуда и смотрели на то, что было перед ними. У обоих мужчин было очень серьезное выражение лица.

Гринвуд указал на то, на что они смотрели, и сказал: "Это журнал его тренировок. Записи делаются каждый день в соответствии с вашими указаниями".

Это были две толстые тетради формата В5, сделанные из бумаги для ксерокса.

Твен, конечно, не смог бы дочитать содержание этих двух книг здесь. Он обратился к началу, затем перелистнул на середину и, наконец, перелистнул на конец. Этого ему было достаточно, чтобы сделать вывод.

"Он упорствовал и завершил программу подготовки Джорджа Вуда в молодежной команде. По правде говоря, я очень удивлен этим". Гринвуд сказал рядом с ним: "Я мог сказать, что Джордж был очень сильным просто по его телосложению, но Чен... откуда взялась сила в такой худой фигуре?"

Твен не издал ни звука и продолжал смотреть вниз, чтобы пролистать журнал тренировок.

Гринвуд посмотрел на Данна, который был китайцем, и Данн ответил с улыбкой: "Я не знаю. Может быть, это была сила его снов".

"Мечты?" Гринвуд погладил свой подбородок и чмокнул губы: "Разве это не была его мечта - стать профессиональным футболистом? Но в конце концов она не сбылась. И я думаю, он давно должен был понять, что это невозможно. Ни одному клубу не нужен был молодой человек, который тренировался всего один год, не говоря уже о том, что ему уже исполнилось восемнадцать лет. Почему он настаивал на этом? Откуда взялась его сила?"

Данн указал пальцем на Твена, читающего журнал рядом с ним: "Разве здесь нет парня, который принял семнадцатилетнего подростка, только начавшего официальную футбольную подготовку, и развил его до самого молодого капитана в истории "Ноттингем Форест"?"

"Стюарт Пирс тоже начал играть в профессиональный футбол только в возрасте двадцати одного года". сказал Твен, не поднимая глаз. "Этот парень хорошо поработал... он все хорошо выполнил. Я сначала подумал, что вы мне солгали".

Гринвуд прочистил горло: "Зачем мне вам врать? Честно говоря, драйв Чена был потрясающим.

Если бы он начал тренироваться здесь с десяти лет, то смог бы стать квалифицированным профессиональным футболистом. Но пока..." Он пожал плечами.

Твен закрыл блокнот и обратился к Гринвуду: "Могу я взять их почитать?"

"Они были подготовлены для вас, Тони. Если бы не твоя болезнь... Ты должен был прочитать их в феврале".

"Ну..." Твен отложил толстые книги и сказал: "Похоже, что за последние пять месяцев я пропустил много замечательных вещей..."

"Ваше здоровье в порядке, Тони?" спросил Гринвуд.

"Ты уже спрашивал, Иэн. Конечно, никаких проблем нет. Иначе я бы не вернулся на работу... Вы же знаете, сколько там красивых бразильских женщин, хе-хе".

И Данн, и Гринвуд проигнорировали его шутку.

Твен снова взглянул на два журнала тренировок и сказал: "Он даже устроил себе дополнительную тренировку? Каждый день гонял мяч туда-сюда между домом и домом, чтобы участвовать в тренировках?"

Гринвуд кивнул: "Да, он даже делал это, когда ездил в Ноттингемский университет на занятия по культурологии. Джон также сказал мне, что видел, как Чен бегал по улице с футбольным мячом, когда возвращался домой. Его одноклассники также говорили, что он был "чудаком". Знаете, тротуары были неровными, и футбольный мяч всегда подпрыгивал...".

Твен прервал его рассказ, чтобы спросить: "Как долго он это делал?"

"До последнего дня его обучения здесь".

Твен уставился на обложку журнала тренировок и ничего не сказал.

Он подумал об этом грязном лице под ветром и дождем, о жалком виде и о том, как это в какой-то степени соответствовало образу футболиста той страны...

После ужасного поражения олимпийской сборной Китая на Олимпийских играх "футбол" уже стал словом, которое в Китае вызывало отвращение почти у всех. Упоминание о футболе неизбежно вызывало взрыв насмешек, что почти всегда происходило как в популярных, так и в государственных СМИ. В наши дни, если кто-то объявит, что хочет стать профессиональным футболистом, его будут высмеивать.

Пока человек играл в футбол, некоторые люди думали, что он связан с Китайской футбольной ассоциацией. Если он не ненавидел китайский футбол, на него смотрели бы свысока... Волна фанатичной антипатии в настоящее время сохраняется в Китае и, судя по всему, не остынет в ближайшие годы.

У Твена не было никаких особых взглядов на этот счет. Китайская футбольная ассоциация сделала это сама с собой и не может выбраться. Лучше дать им умереть раньше времени. Может быть, появится новая жизнь.

Но Чэнь Цзянь не имеет никакого отношения к Китайской футбольной ассоциации, и не его вина, что китайский футбол оказался в таком плачевном состоянии. Он даже не продукт системы. Он просто упрямый ребенок с головой, полной мечтаний.

Он отдал все силы и был измотан. Сломал ли он стену?

Каким было его настроение, когда он покинул Уилфорд? Жалел ли он об этом? Разочаровался? Не желал смириться со своей участью?

Я очень хочу увидеть его лицо своими глазами.

Когда я лежала на больничной койке, я многое упустила.

"Тони?" Данн увидел Твена в оцепенении, которое длилось слишком долго, и позвал его, чтобы разбудить.

"А... Йен. Я спрошу тебя еще об одном. Как он вел себя во внутренней игре после того инцидента?" Твен поднял глаза на Гринвуда.

"Он был намного лучше, чем раньше, и в итоге я едва ли смог бы выделить какие-то недостатки... Если бы мне пришлось к чему-то придирааться, то это был бы врожденный фактор, например, разрыв между его уровнем и уровнем его товарищей по команде, которые тренировались здесь в течение десяти лет. Но я не могу сказать, что его способности ужасны. Например, с точки зрения прогресса он был самым быстрым в команде. Но, в конце концов, он отставал от среднего игрока почти на десятилетие".

Твен улыбнулся: "Да, он думал, что это просто стена, преграждающая путь к его мечте. Но то, что преграждает путь перед ним, - это не стена, а гора..... Ах, глупец".

Он встал и попрощался с Гринвудом, прежде чем вместе с Данном покинуть Северный Уилфорд.

"Что у тебя на уме, Тони?" спросил Данн после их ухода.

"Ничего.

Я собираюсь вернуться и внимательно посмотреть на них...". Твен помахал двумя учебными журналами и сказал: "Я оставлю послеобеденное обучение вам, Дэвиду и остальным".

Данн кивнул и ничего не сказал. Твен не мог устать в первый день возвращения к работе. Никто не хотел, чтобы он оставался здесь и терпел. Ему нужно было возобновлять работу день за днем. В любом случае, ужасное положение команды не могло больше ухудшаться. Никто не призывал Твена поскорее вернуться к работе и направить команду на путь исправления.

□□□

Твен сидел за столом с тех пор, как вернулся домой после полудня. Он внимательно закончил читать два учебных журнала. Кроме того, что он перекусил в середине, он не двигался с места и даже не играл с Шанией в провокационные игры. Шанайа также заметила, что Твен выглядел серьезным и сосредоточенным. Она знала, что это должно быть важное дело, поэтому не стала подходить к нему и беспокоить его. Она лишь уговаривала Твена лечь в постель, когда наступало время отдыха. Контракт Дугласа истек в тот день, когда Твейн решил вернуться в команду. Теперь Шанайе нужно было самой заботиться о своем любимом дяде Тони. Но это было пустяком, ведь она научилась у Дугласа многим профессиональным медицинским знаниям и навыкам. Она могла одна позаботиться о дяде Тони.

В эти дни у нее не было работы. Поскольку дядя Тони должен был находиться в Англии, она не поехала в Голливуд. Ее голливудская карьера также казалась незначительной. Ее не волновало, на какие вечеринки знаменитостей ходить, с какими известными звездами знакомиться и встречаться, и всевозможные необходимые социальные взаимодействия.

Однажды Твен задал ей этот вопрос, и ее ответ был довольно прост: "Кино всегда было моей страстью. Хорошо, если оно может стать моей работой. Но если мне придется выбирать между моей страстью и дядей Тони, я точно не выберу поездку в Америку".

"Только не говорите мне, что вы сдались после годичной борьбы в Соединенных Штатах?" В душе Твен пожалел Шанайю.

Он знал, что, оказавшись вдали от Голливуда, она может лишь все дальше и дальше отдаляться от страны своей мечты, даже если у нее будет много друзей, которые ее поддержат.

"Хотя я немного подвела мистера Круза, для меня нет ничего важнее тебя, дядя Тони".

Услышав слова Шанайи, Твен протяжно вздохнул: "Ты заставишь меня чувствовать себя виноватым, Шанайа. Потому что я лишаю тебя права реализовывать свои мечты...".

"Да ладно, дядя Тони". Шанайа надулась: "Не забывай, четыре с половиной миллиарда лет. Я уже чувствую, что это выгодная сделка - четыре с половиной миллиарда лет любви в обмен на кинокарьеру."

Что еще мог сказать Твен? Он мог только крепко обнять свою юную подругу.

□□□

Перед тем как помочь Твену лечь в постель, Шанайа небрежно спросила: "Что ты читал? Я никогда не видела тебя таким сосредоточенным на... книге?".

"Дневник сновидений". Твен потер виски. Хотя его глаза и ум немного устали, он был в хорошем настроении. "Мне было очень приятно читать его. Я хотел остановиться, но не мог. Я просто хотел закончить чтение на одном дыхании... К сожалению, его оборвали, не дописав до конца. Автор был просто ужасен...".

"Дневник сновидений? Это роман?"

"Нет, реалити-шоу".

Шанайа пожала плечами. Ее дядя Тони иногда любил говорить необъяснимые вещи. Она привыкла к этому, но можно было с уверенностью сказать, что это как-то связано с его работой. Потому что такая сосредоточенность появлялась только тогда, когда дядя Тони работал. Просто смотреть на его силуэт было очаровательно.

Накрыв Твена тонким одеялом и поцеловав его в губы, Шанайа встала и повернулась, чтобы уйти.

Несмотря на то, что оба были помолвлены, они молчаливо сохранили свой образ жизни в доме № 13 по Брэнфорд Гарден Лейн - они спали в разных спальнях. Так было даже во время их отпуска в Бразилии. Все началось с того, что дядя Тони был физически слаб, и его сердце не выдерживало нагрузок.

Заниматься любовью, получать оргазм, который привел бы к чрезмерному учащению сердцебиения и подверг бы его сердце крайней опасности, естественно, было запрещено. Позже, когда образ жизни вошел в привычку, Шанайа не стала раздеваться и приходила к Твену, чтобы инициировать секс. Что касается Твена, то он привык к холостяцкой жизни и пренебрегал этой областью. В сочетании с надеждой поскорее приступить к работе, он был не в настроении.

Но сегодня, после того как он вернулся в команду и прочитал журналы тренировок Чэнь Цзяня, он вдруг почувствовал, что у него хорошее настроение.

Твен обнял Шаню.

Он лежал в кровати и смотрел на Шанайю, которая все еще была одета как маленькая девочка. Тусклая прикроватная лампа светила и проникала сквозь слой марлевого материала, полностью демонстрируя изгибы ее прекрасного тела, как у модели. Кроме пары трусиков, на ней, казалось, не было никакого нижнего белья. Ее юное обнаженное тело источало соблазнительный аромат сквозь тонкий топ. Это внезапно возбудило его аппетит, и он

почувствовал себя амурным...

Шанайа не двинулась с места и не ушла. Но она не повернулась лицом к Твену и не посмотрела на него с улыбкой, чтобы сказать: "В чем дело, дядя Тони?". Она просто стояла на месте спиной к Твену.

"Хочешь послушать историю, Шанайа?" раздался сзади хриплый голос Твена.

"Хорошо, дядя Тони. Но что это за история?" Шанайа все еще не повернула голову назад.

Руки Твена внезапно напряглись и потянули Шанайу вниз, в его объятия: "Красная Шапочка и дядя Волк".

Шанайа не стала подыгрывать ему и издавать хныкающие звуки, чтобы вести себя кокетливо, когда она набрасывалась на руки Твена. Вместо этого она закричала: "Кардиостимулятор...". Она боялась, что упадет и ударится о кардиостимулятор в груди Твена.

Твен скорчил гримасу и сказал: "Не стоит беспокоиться об этой мелочи... Ты не подыгрываешь, Шанайа. Настроение пропало!"

Шанайа легла на грудь Твена и посмотрела вбок на дядю Тони, у которого было прямое лицо.

Ее губы медленно скривились в уголках, когда она сказала: "Разве это не должно быть Красная Шапочка и Бабушка Волк?".

"Теперь это Красная Шапочка и дядюшка Волк!" Твен изо всех сил старался выглядеть серьезным и расширил глаза, изображая злобного дядюшку Волка.

"Дядя Волк голоден?"

"Да, голоден!" хрипло сказал Твен. На самом деле, даже если он не делал этого намеренно, его голос был достаточно хриплым...

"Тогда в таком случае Красная Шапочка пойдет и приготовит тебе позднюю закуску!"

Твен не растерялся и сказал: "Нет, ты побежишь звать егеря. Я не дурак!"

"О, что же мне делать..." в расстройстве сказала Шанайа, склонив голову набок, - "Дядя Волк голоден и не отпускает меня...". Она задумалась. "Есть только один выход!"

Она вдруг расстегнула рубашку одной рукой и подмигнула Твену: "Накорми Красную Шапочку дядюшкой Волком!".

Твен не стал ее останавливать. Он просто отпустил ее другую руку и заложил обе руки за голову. Он спокойно наблюдал, как Шанайа опустила голову, осторожно расстегивая каждую пуговицу. По мере того, как с нее снимался верх, перед глазами Твена постепенно открывалось безупречное молочно-белое манящее тело.

Он смотрел на нее в оцепенении, и вдруг возникло сюрреалистическое ощущение, что он видит сон.

Красавица, стоявшая перед ним раздетой, действительно была той самой длинноногой Лолитой, которая раздражала его до такой степени, что он хотел вызвать полицию? Когда он нес и вез ее в больницу, потому что она была без сознания от лихорадки, и нарушил

счастливый случай Константина, думал ли он, что между ним и ею будет такой день? Когда молодая симпатичная девушка постоянно обращалась к нему "дядя Тони", был ли он когда-нибудь тронут любовью к ней из самых глубоких уголков своего сердца и желанием, чтобы она стала его женой?

Эти события прошлого и его тогдашние чувства постепенно размывались. В тусклом свете четко вырисовывалось лишь ее смущенное тело.

Она раскрыла объятия и медленно наклонилась.

С покрасневшими щеками, слегка раздвинутыми розовыми губами, сладко пахнущим дыханием, ее голос прозвучал из глубины горла, словно сквозь слой туманного водяного пара: "Дорогой дядя Волк, пожалуйста... не сдерживайся...".

Обилие любви разливалось по спальне, как будто страсть этих двух людей не могла растаять.

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071262>